

Книги Денежного стола

В большом фонде документов Разрядного приказа, который хранится в Центральном государственном архиве древних актов, содержатся документальные материалы, отложившиеся в результате делопроизводства Денежного стола. Эти материалы мало известны исследователям русского языка, его истории. К сожалению, и характеристика этих текстов в печатном описании, предназначенная для историков, а не лингвистов, не дает возможности судить об их лингвистическом значении¹. Между тем они являются ценным источником для изучения фонетики, морфологии, лексики и, в меньшей мере, синтаксиса русского языка XVII в., в частности его южновеликорусского наречия.

Материалы делопроизводства Денежного стола охватывают период с 1612 по 1770 г. и довольно разнообразны по содержанию. Среди них имеются: 1) списки расходов, доимок и остаточных сумм по городам; 2) сметные росписи предполагаемых доходов; 3) приходно-расходные книги городов и столов Разрядного приказа (севские, белгородские), которые доставлялись в Денежный стол для учета; 4) оброчные книги денег, собиравшихся с разных оброчных статей; 5) приходо-расходные книги таможенных голов, целовальников и откупщиков разных оброчных статей; 6) «записные книги» Денежного стола «денежным и всяким доходам»; 7) «книги пошлинных денег с судных дел»; 8) приходо-расходные книги «разрядным, денежным, окладным и неокладным расходам и доходам»;

¹ См. «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», кн. X. М., 1896, стр. 42—119.

9) раздаточные книги денежного и хлебного жалованья служилым людям; 10) приходо-расходные книги Сибирского приказа; 11) приходо-расходные книги канцелярии Правительствующего Сената ².

Из этих источников наибольший интерес для исследователя истории русского языка представляют приходо-расходные книги денежной казны на таможенных и кружечных дворах и книги сбора оброчных, окладных, доимочных денег с оброчных статей южнорусских городов, подведомственных Разрядному приказу, поскольку Разряд ведал организацией обороны страны и основная линия этой обороны охватывала юг, юго-восток и юго-запад степного края.

Приходо-расходные книги таможенных голов и целовальников составлялись непосредственно на таможенных дворах. В них вносили так называемые «явки», т. е. сведения о том, кто, сколько и откуда привез товару, какого именно товару, или явил денег на покупку, сведения о сборах пошлинных денег, например: апрѣля в 3 *де* калуженинъ Аоонасеі Черницынъ явил на четырехъ возахъ петдесятъ белухъ сто петнатцать севрюхъ десетъ касековъ мыла плаховаго шедесятъ сапогъ мускихъ болшихъ и малыхъ взято с него на ценѣ пошлинѣ со ста з дватцати са шти рублеі три рубля пять алтынъ с рубля на пети денегъ свалу с воза на четыре денги явки хѣрнаго и записки алтынъ и всего взято пошлинѣ свалу и явки хѣрнаго и записки три рубля восьмь алтынъ четыре денги ³; ноебря ж *АІ де* явил на Лебедяни Николы Зараіского города посацькоі члвкъ Федоръ Коростинъ десять рублейвъ а сказалъ купишъ ему на Лебедяни и в уѣздѣ на тѣ денги коровъ борановъ и козловъ ⁴.

В зависимости от характера товаров их количественная характеристика иногда дополнялась необходимой качественной. Так, например, в записях о купле-продаже и обмене лошадей встречаем подробные перечисления их примет: Доброва горадища сержантъ Гарасимъ Печенинъ зоменилъ мерина гнѣда в карѣ лѣты сросла грива направа

² См. там же, кн. X, стр. 32.

³ ЦГАДА, Разрядный приказ, Денежный стол, кн. 188, л. 39—39 об.

⁴ ЦГАДА, Разрядный приказ, Денежный стол, кн. 104, л. 504.

с *отметом* лѣвая уха отрѣзана лысина до глас моленка не дошла во лбу звѣздочолина ⁵.

В книгах таможенных и кружечных дворов нашли отражение и записи расходов, связанных с деятельностью этих дворов: покупка дров, бумаги, свечей, оплата труда за ремонт помещений, приобретение материала для ремонта и т. д. В книгах сбора денег с оброчных статей указывалось местонахождение этих статей (угодий), социальное положение оброчников, их имена, отчества, прозвища и количество взимаемых денег: с рѣчки Гнилушки из за Клевенских і Свѣдожских и с Хмелевых липешковъ Семилутцкне ж пустыни на черныцѣ на Кириле да на Василе Струкове оброку взято рубль ⁶.

Развитие русского государственного аппарата в XVII столетии настоятельно требовало постоянного прилива в сферу его деятельности грамотных людей. Процентное соотношение грамотных ко всему остальному населению России в значительной мере возрастало за счет посадских людей ⁷. Основной контингент составителей всякого рода записей делового характера набирался из этих слоев населения. Они вносили в тексты записей элементы лексики и произношения живой, разговорной речи. Влияние местной речевой стихии в деловой локальной письменности при колебаниях в правописании было настолько существенно, что в 1675 г. подобное положение было узаконено. По указу предписывалось не ставить в вину тем, «кто в челобитье своем напишет в чьем имени или прозвище, не зная правописания, вместо она аз... или вместо еря ер, или вместо ятя есть. . . и иные в письмах наречия, подобные тем, по природе тех городов, где кто родился и по обыкностям своим*говорить и писать извык» ⁸.

Книги Денежного стола, особенно книги кабацких и таможенных сборов и расходов, изобилуют подобными «извычными» написаниями. Преимущества книг Денежного стола в ряду других источников по истории русского языка состоят в относительной свободе их записей от определенных правописных норм, а также в конкрет-

⁵ ЦГАДА, Разрядный приказ, Денежный стол, кн. 104, л. 885 об.

⁶ Там же, л. 69.

⁷ См.: В. Н. Устюгов. Просвещение и школа. «Очерки истории СССР XVII в.» М., 1955, стр. 557.

⁸ Там же, стр. 560.

ности и детальности заключенных в них сведений. В этом отношении особенно интересны записи о явках товаров на таможенных дворах и расходах на кружечных дворах. Приведем в качестве иллюстрации записи расходов на орловском кружечном дворе за 1653—1655 гг.: сентебря в АІ де купленъ хлевишка на дрова дано 2 алтынъ... октебря въ КА де купленъ авинъ новоі получетьверта саженья в деревни поставили на винокурни дано за овин В рубля І алтынъ от перевозки дано от овина М алтынъ от станавки дано полтора рубли лубя куплено на крышку на овинъ дано К алтыпъ дору куплено в овинъ на рошетины на чом солод сушить дано П алтын⁹.

Наличие в описываемых книгах ярких диалектных особенностей с несомненностью свидетельствует, что записи в них велись носителями диалекта и в крайнем случае людьми если не местного происхождения, то давно обосновавшимися на данной территории, усвоившими местную речь. К сожалению, в книгах почти не встречаем непосредственных данных о лицах, которые их писали, поэтому особое значение приобретают отдельные редкие заметки о прямом отношении к этим книгам безусловно местных жителей, вроде, скажем, следующей: олшанские томоженные выборные вѣрные целовальники Петрушко Кирилов снъ Колачник да Степанько Костентинов снъ Ожерелев збиралі в Олшанску гсдрву томоженную пошлину денежную козну на пнешней на РѢВ год против гсдрва крестного целованя вправду безо всякие хитрости со всяких товаровъ а записывали в книги помѣсечно в Олшанскомъ в приказнай избѣ перед воіводои перед Семеном Семеновичем Писаревым да перед Александром Григорывичем Волоховым для того что выборнай томоженной дьячокъ Демко Москвитинов поцеловав крсть из Олшанска збежал и записыват было томоженных пошлинъ порознь с какихъ что товаровъ взято иѣкому¹⁰.

Наряду с элементами приказного языка в книгах Денежного стола получают отражение, как было сказано, и особенности живого разговорного языка, а также южно-великорусских говоров XVII в. Записи в этих книгах,

⁹ ЦГАДА, Разрядный приказ, Денежный стол, кн. 104, л. 628, 637.

¹⁰ Там же, л. 860—860 об.

производившиеся разными лицами, содержат многочисленные и прямые, и косвенные указания на аканье: саломою, кн. 356, л. 99; арленинъ, там же, л. 124; семьсот. . . самов, там же, л. 133 об.; тритцать асетров, кн. 188, л. 1; сѣмя агуречного, там же, л. 2; дрогунъ, кн. 356, л. 124; семьсот. . . созанов, там же, л. 134, и т. д. К сожалению, установить характер аканья (диссимилятивное, недиссимилятивное) по данным источникам невозможно, поскольку в обычном русском письме нет соответствующего знака для обозначения редуцированного гласного, в котором при диссимилятивном аканье реализуются *o* и *a* перед слогом с гласным *a*. Тем не менее исследование по книгам Денежного стола этой одной из основных черт южновеликорусского наречия может существенным образом помочь выяснению истории безударного вокализма в южновеликорусской области, определению некоторых ее границ в XVII столетии. Перспективнее в этом отношении исследование яканья, следов которого немало: на хряще, кн. 104, л. 1106; Мядвѣдев, там же, л. 1106 об; прамянил, там же, л. 1113 об.; с васмі мяхов соли, там же, л. 1122 об., ср. с мѣха, там же; съ солявоі продажи, там же, л. 1126 об.; десят мяхов соли, кн. 356, л. 122; сто два мяха соли, там же, л. 194; с премои. . . цены, там же, л. 122; Митроѳановъ снѣ Ребоі, там же, л. 124; взяла шесть рублев, там же, л. 149 об., и т. д. Примечательно то обстоятельство, что не встречаем случаев реализации гласных неверхнего подъема в *и*. Впрочем, следует принять во внимание такую особенность русской скорописи XVII в., как нередкие совпадения в начертании *e* и *и*, когда с уверенностью нельзя утверждать, что эта буква — *и*, а не *e*.

В записях представлены также протетические *и*, *a* в начале слов перед согласными: здѣлан, постаг у придѣле ігдѣ сидѣт за поставом целовалнику, кн. 356, л. 224 об.; восьм абратѣнеі, кн. 104, л. 107, ср. куплено братинеі, кн. 356, л. 682 об.; арженоі продажи, кн. 104, л. 737 об.; арешеі, там же, л. 1069 об.; партокъ алленых, кн. 188, л. 14; халстины альленои, там же, л. 40 об.; орженья муки, кн. 104, л. 527, и т. д. Из мелочей отметим утрату начального гласного в слове *окорок*. Ср.: на лѣвом *окорокѣ*, кн. 104, л. 754; на правоі *окорокѣ*, там же, л. 754 об.; но — на лѣвомъ *кароку*, кн. 188, л. 88; на заднемъ *кароку*, там же, л. 88 об.; на лѣвом *кароку*, там же, л. 89.

Прослеживается преимущественное сохранение звука, обозначавшегося прежде буквой Ѣ, в ударяемых положениях: *шеснатцат алтнъ съ мѣха*, кн. 104, л. 1122 об.; *хмѣлю*, там же, л. 679; на задѣ на хряще на ладон бѣла, там же, л. 1106; на лѣвом окорокѣ, там же, л. 754 об.; на лѣвой лопатки, кн. 188, л. 32 об.; мѣсечного корму, там же, л. 219 об. и т. д. Напротив, в безударных положениях ѣ нередко уступает место е: *восмь мешков*, кн. 84, л. 208 об.; с *Хмелевых* липешковъ, кн. 104, л. 69; *мерин* беланог, кн. 84, л. 27 об.; на холки *беленка*, там же, л. 144; *купленъ хлевишка*, кн. 104, л. 628, и т. д.

В связи с наблюдениями над безударным вокализмом представляется возможным в ряде случаев выявить старинное место ударения, вероятно, свойственное и тогда главным образом южновеликорусским говорам: (*копыто*) *роскалота*, кн. 104, л. 936; *прадал* (мерина), там же, л. 1069 об. Ср. в современном литературном языке: *раскѣлото*, *прѣдал*. Иногда свидетельствуется и перенос ударения на предлог: *па тритцати па шести алтынъ по две денги*, кн. 188, л. 5 об.

В записях книг Денежного стола получили отражение почти все консонантные особенности соответствующих русских говоров. Это представляет особый интерес, поскольку собраны достаточно полные современные данные об упомянутых говорах и, таким образом, появилась возможность составить сравнительную характеристику части современных говоров и сопоставимых с ними старых диалектных образований не только по вокализму, но и консонантизму.

Среди консонантных особенностей выделяются свойственные южновеликорусским говорам *х*, *хв* и *п* на месте *ф* в составе иноязычных слов: *двадцат юхтеі*, кн. 104, л. 117; *Сахвонъ*, кн. 188, л. 12; *сохянов*, там же, л. 14; *Оулицъ Ехрѣмов*, там же, л. 88 об.; *десет кохтанов*, там же, л. 113 об.; *Григорей Остахевъ*, кн. 356, л. 146; в *хевроли*, там же, л. 742 об.; *Хилимон*, там же, л. 1132 об.; *Трихвонъ*, там же, л. 193 об.; *Сапрон*, кн. 104, л. 874 об. и т. д. Некоторые данные подкрепляют появившееся в литературе последних лет новое представление о *ф* на месте *хв* как явления в равной мере и северно- и южновеликорусском, а не только принадлежащем Северу, как утверждалось ранее. Примеры: *изошло ѳарасту*, кн. 104,

л. 442 об.; меринъ чернооостьъ, кн. 183, л. 91 об.; окола оаста бело, кн. 84, л. 6 и т. п.

К числу фонетических явлений южновеликорусского характера, следы которых рельефны в книгах Денежного стола, отмечаем и *y* на месте *e* в определенных положениях, что указывает на губно-губное свойство *e*: воды узвестъ, кн. 104, л. 567; Совелеі Ушивоя шуба, кн. 84, л. 36 об.; собрано у вине и в меду припоіных денегъ, там же, л. 93; прибыли *e* ведре у вине, там же, л. 47 об.; умѣсто, кн. 356, л. 776 об.; у баню, там же, л. 874; у выходе, там же, л. 851 об.; у двенадцать мсцевъ, кн. 188, л. 141; паставит у яму, там же, л. 146 об., и т. д.

Обычное в южновеликорусских говорах произношение долгого *ш*, к сожалению, по книгам не прослеживается, так как буквы *ш* и *щ* нередко совпадают в начертании или употребляются одна вместо другой: пшева чатыря денги, кн. 188, л. 317, 319; гуляшеі члвкъ, там же, л. 323; у емшика, там же, л. 303, и т. д.

Несмотря на известную стандартность записей, в аннотируемых источниках наглядно выступают следы морфологических изменений. В книгах содержатся ценные сведения об утрате категории среднего рода, что особенно важно, если иметь в виду, что до последнего десятилетия подобными сведениями наука почти не располагала. Об интенсивности указанного процесса выразительно свидетельствуют случаи оформления существительных из категории ср. рода окончаниями жен. рода и аналогичные явления в согласуемых с такими существительными прилагательных: ме[рин] рыж. . . грива направа с отметои под пузаю зжено, кн. 84, л. 42; на правой бедрѣ, кн. 104, л. 755; на левой стегнѣ, там же, л. 755 об. Немало фактов оформления имен существительных ср. рода с безударным окончанием по нормам жен. рода: лѣвоя уха отрѣзана, кн. 104, л. 885 об.; передней копыта, кн. 84, л. 99; лѣвоя уха розкраѣна, там же, л. 113 об.; задняя правоя копыта, там же, л. 147, и т. п. В рассматриваемых источниках встречаем также образование отдельных имен существительных как имен жен. рода, тогда как в современном русском они выступают в качестве имен муж. рода: продал. . . мерин. . . на лѣвоі на передне ногѣ признака копыто роскалота, кн. 104, л. 936, ср. в украинском разговорное *признака* в смысле «признак, примета»¹¹

¹¹ «Украинско-русский словарь», т. IV. Киев, 1961, стр. 355.

и в современном русском — *признак*; на правоі . . . окорокѣ, там же, л. 754 об., ср. на лѣвом окорокѣ, там же, л. 754. Ср. обычные в деловой письменности XVII в. образования *налога* (вместо *налог*) и *пожога* (вместо *пожог*); ср. в украинском *пожога* — «пожар», квалифицируемое ныне как областное¹².

В ряду других характерных черт южновеликорусского наречия в литературе отмечаются формы предложн. падежа ед. числа на *-у* от существительных муж. рода, восходящих к старым основам на *о*. В книгах Денежного стола: *поѣхол Доном* в струшку, кн. 104, л. 517 об.; *збиралі* в Олшанску, там же, л. 860; в меху соли, там же, л. 953 об.; на лѣвом окараку, там же, л. 1069 об.; на лѣвом окараку, кн. 356, л. 173, и т. д. — в основном под ударением. О необычайной распространенности предложного на *-у* от одушевленных имен существительных муж. рода свидетельствуют, между прочим, записи в книгах Чернского таможенного двора. Всего находим там свыше 140 случаев употребления предложн. падежа ед. числа от подобных существительных, причем более сотни случаев — с окончанием *-у*, в остальных — окончание *-е*. Несмотря на значительное преобладание падежных форм на *-у*, достаточно четкой дифференциации в употреблении этих форм и соответствующих форм на *-е* все же не наблюдалось, о чем говорит наличие колебаний в образовании предложн. падежа от одних и тех же существительных: на белѣвском крѣстьяницѣ на Петрушке, кн. 356, л. 737; на крѣстьянину на Васке, там же; на чернском пушкарю на Дементью, там же; на чернском пушкаре на Григорю, там же, л. 738, и т. д. Продуктивность формы предложного на *-у* в южновеликорусских говорах XVII в. сказывалась и в ее заметном распространении на притяжательные прилагательные — фамильные наименования лиц: на туленину *посатцком* члку на Никите Красноглазову, кн. 356, л. 730 об.; на чернском пушкарю на Григорю Стрековову, там же, л. 733 об.; на белевском козаку Иванѣ Осаткову, там же, л. 738 об. и т. д.

В мягком варианте склонения имен существительных муж. рода сохранялись следы старого оформления предложн. падежа ед. числа: в *октебри*, кн. 356, л. 742 об.; в *ноебри*, там же; в *декобри*, там же, л. 743; в *генвори*,

¹² Там же, стр. 24.

там же; в хевроли, там же, л. 743 об. Ср.: в сентябрѣ, во октебрѣ, там же, л. 748 об.; в ноябрѣ, в декабрѣ, там же, л. 749; в генворѣ, в хевролѣ, там же, л. 749 об. Вторые случаи знаменуют вытеснение в данной падежной форме окончания мягкого варианта окончанием твердого.

Содержанием приходо-расходных книг было обусловлено обильное употребление в них количественных обозначений обыкновенно с род. падежом мн. числа имен существительных, вроде *сто ковшеи, сорок рублей, семнатцать кулеи* и т. д. Наряду с вариантами окончаний, аналогичными современным литературным, представлены и такие, которые ныне осознаются как диалектные. Примеры: *четырнатцать рублей*, кн. 104, л. 447 об.; *купит сухореи*, там же, л. 525 об.; *сто кирпичей*, кн. 356, л. 104; *тысечю пятсотъ лаптьей*, там же, л. 146; ср.: *тритцать рублей*, кн. 104, л. 498 об. — 499; *одиннатцат кулев*, кн. 84, л. 99 и т. д. Не исключено, что форма *рублей* в литературный язык проникла с юга, так как, по нашим наблюдениям, не только в московской приказной письменности, но и в северновеликорусских текстах в широком употреблении было *рублев*. Определяя границы распространения форм на *-ев* (типа *рублев*) в народном языке, С. П. Обнорский отмечает, что они характерны для северновеликорусских говоров, а «... скудные свидетельства об этих формах, которые принадлежат черте южновеликорусских говоров, следует, очевидно, признать показаниями не исконного происхождения для южновеликорусской почвы, а вторичного, наносного»¹³. Старые южновеликорусские данные не противоречат предположению о возникновении форм на *-ев* и на южновеликорусской почве параллельно соответствующим северновеликорусским.

В сфере жен. рода: *двѣ свиных тушей* кн. 104, л. 889 об. ср.: *с туш*, кн. 188, л. 302, 306. Наблюдалось также колебание форм *свечей* и *свеч*. В форме *свеч*, бытовавшей в литературе вплоть до XIX в., С. П. Обнорский видел архаизм, сохранившийся в языке благодаря книжной традиции¹⁴. Материал аннотируемых источников не дает оснований считать форму *свеч* лишь элементом книжной

¹³ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, стр. 232.

¹⁴ Там же, стр. 207.

традиции: не только достаточно опытные, но и мало знакомые с культурой письма писцы южновеликорусского края употребляли ее довольно свободно. А в общем формы род. мн. на *-ей* от имен жен. рода в южновеликорусских говорах, естественно, господствовали: дватцат юлтеі, кн. 104, л. 117; двесте жердеі, там же, л. 171; пят пицалеі, кн. 84, л. 83 об.; полтораста абувеі, кн. 188, л. 128; сто абувеі, там же, л. 137, и т. д. Влиянием форм подобного типа и было вызвано появление форм на *-ей* от имен существительных жен. рода на *-а* наподобие указанной выше *тушеі*, а также — с *кожеі*, кн. 356, л. 738.

Книги Денежного стола содержат интересные сведения об изменениях в категории одушевленности на южновеликорусской почве. В кругу имен существительных муж. рода оформление этой категории завершалось. Старые формы вин. ед. от подобных одушевленных имен существительных сохранялись лишь в качестве пережиточных. Ср. в таможенных книгах, где записывались лошадиные явки: продал жеребец гнед, продол мерін гнед, кн. 84, л. 7 об. и т. д. Возможно, контаминацией старого и нового оформления вин. падежа объясняются такие факты: явил. . . жеребца ворон, кн. 84, л. 27; явил жеребца кар, там же, л. 41. Материал рассматриваемых книг позволяет в общем установить не только относительную, но и абсолютную хронологию данного процесса в пределах южновеликорусской области.

Привлекают внимание следы сохранения двойственного числа: двѣ корове, кн. 104, л. 874 об.; две мѣре двѣ трупки, там же, л. 1038 об.; две кипе, две. . . грівне, кн. 84, л. 5 об., 7, и т. д.

Отметим необыкновенную продуктивность образования числительных на *-еро*, *-еры*: четвера сапоги, кн. 188, л. 17 об.; пятера поголовья коров, кн. 104, л. 732; двенадцатеры сумки, кн. 188, л. 128; четырнатцатеры руковиц, там же, л. 14; шеснатцатеры сумки, там же, л. 138. Этой норме следует образование и числительных третьего десятка: дватцать осмеры чулки, кн. 188, л. 129. Для изучения собирательных числительных книги Денежного стола имеют особое значение.

Среди характерных черт южновеликорусского наречия, отпечаток которых носят книги Денежного стола, упомянем образование инфинитива на *-ть* в тех случаях, когда в иных говорах и литературном языке употребляют

формы на *-ти*: воды узвесть, кн. 104, л. 567; порох весть, кн. 188, л. 293; сырец свесть и воскъ взвесть, кн. 104, л. 444.

В книгах находим сведения и по истории диалектной лексики. Так, южновеликорусскими считаются слова *корец*, *вязенки*, *бирюк*, *пискленок*, *скородить*, соответствующие литературным *ковш*, *варежки*, *волк*, *цыпленок*, *бороновать*. Ср.: куплена на винокурню *корец* большой да *корец* руканятнаі, кн. 84, л. 213 об. Если *корец* большой мог быть и хлебной мерой¹⁵, то *корец* «руканятнаі» — несомненно, синоним слова *ковш*. Упоминание о *вязенках*: (явлено на продажу) сто дватцать галиц. . . сто девеноста *везенок*. . . два десятка *чулков*, кн. 188, л. 138. Указание на бытование таких диалектизмов, как *бирюк*, *пискленок* и *скородить*, заключают фамильные названия, прозвища: *Бирюк*, кн. 104, л. 897 об.; *Писклов*, кн. 188, л. 116; *Нескородев*, кн. 88, л. 34 и т. д. Как известно, прозвищные наименования лиц служат дополнительным источником для русской исторической лексикологии. Поскольку фамильные названия и прозвища возникали в живой народной речи, лексические данные бытового свойства, непосредственно не отразившиеся в деловой письменности, можно извлечь из ономастики, которой книги *Денежного стола* исключительно богаты.

Книги *Денежного стола* интересны и в плане изучения определенных сторон и элементов общерусского языка эпохи его национального становления, и в частности влияния приказного языка на местную деловую письменность. Влияние выражалось прежде всего в стандартизации формы записей, в строгом порядке фиксации определенных моментов и фактов. В таможенных книгах как правило вначале указывалась дата сделки, регистрировался совершивший ее, указывалось его имя и прозвище, затем — наименование и количество товара, а также суммы пошлинных сборов. Пример подобной записи: августа въ *КА де* взято съ сѣвского стѣрелецкого сна съ *Івана Семенова сна Воскабоінікава* са всякого розног москатилного мелкого товару съ продажи со ста зъ двух рублей *пошлинъ* два рубля *восмънатцат* алтнъ две денгѣ съ рубля по пяти денегъ да *явки писщего херного алтнъ і* всего съ

¹⁵ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. СПб. — М., 1881, стр. 165.

него взято два рубля девятнадцать алтынъ две денги, кн. 104, л. 1139. Ср. запись в воронежской книге: марта в ЕІ *де* курченинъ Савелеі Клепонос явил конь каур гриве напрова белокопыт лѣтми сросль на лѣвои лопатки пѣга а продал брянченину Ивану Михайлову взял восемь рублеі взято з денег пошлинъ шесть алтынъ четыре денги с рубля на пети денег и с продовца с шерсти и записки два алтына и всего взято пошлинъ восемь алтынъ четыре денги, кн. 188, л. 32 об.

Поскольку наша статья носит характер аннотации, мы не ставим перед собой задачи исследования лексических явлений в книгах Денежного стола, а попытаемся лишь показать, какие возможности для исследования русской исторической лексикологии заключают эти источники. Отметим прежде всего обилие в них названий лиц по профессии или характерным для них занятиям, нередко выступающих в качестве прозвищных наименований: Бочар, кн. 104, л. 769; Гончар, там же, л. 879; Токаръ, кн. 84, л. 88; Калачник, кн. 104, л. 860; Барышник, кн. 84, л. 6 об.; Ситник, там же, л. 22 об.; Плотник, там же, л. 90 об.; Пирожник, там же, л. 148; Мясник, там же, л. 191; Квасник, кн. 188, л. 90 об.; Рудамет, кн. 84, л. 25 об.; Водовоз, кн. 188, л. 60 об.; Просолуп, там же, л. 319; Свинолуп, кн. 104, л. 757, и т. д. Названия, характеризующие внешний вид, физические недостатки: Глухой, кн. 104, л. 886 об.; Долгой, там же, л. 1036 об.; Зубатыи, кн. 188, л. 89; Картавыи, там же, л. 58 об.; Косои, там же, л. 105; Кривобрюхов, там же, л. 74; кроме того, — Горбун, кн. 104, л. 751 об.; Кривоперст, кн. 188, л. 60 об. и т. д. Прозвища и фамильные названия, заимствованные из словаря животного и растительного мира, и производные от них: Бирюк, кн. 104, л. 897 об.; Заяц, кн. 84, л. 22 об.; Медведев, кн. 104, л. 1106 об.; Коровкин, кн. 84, л. 125; Селезнев, кн. 78, л. 20 об.; Честнок, там же, л. 16 и др. Появление прозвища Спасибов (кн. 356, л. 731 об.) знаменует преобразование словосочетания «спаси бог» в одно слово. О бытовании слов *опара* и *гуца*, не отмеченных в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, свидетельствуют такие факты: Семен Опара, кн. 104, л. 764 об.; Костентин Дмитрев спль Гуца, там же, л. 913.

Исторически сложилось так, что на юге страны в XVII в. было много военнoслужилого населения, поэтому в кни-

гах Денежного стола заметно отразились некоторые элементы военной терминологии, например: продал моюрови роты сержанту Христофорову, кн. 188, л. 59 об.; кожи отослоны в полк на пороховые мешечки в чом на бои салдатам порох насыть, кн. 104, л. 447 об. Отметим употребление слова *самопал*, кн. 78, л. 31 об.

Названия разнообразных товаров, названия денежных единиц, мер емкости и веса, таможенных сборов, различных хозяйственных строений, оборудования винокурения и мельничного дела — все эти и многие другие элементы древнерусского словаря встречаем в книгах Денежного стола.

Исследование этих источников для науки о русском языке не только в историческом плане, но и в плане освещения современных его явлений имеет существенное значение.